

Хоу Мин вошёл и увидел, что Шэнь Ту наливает кашу. С улыбкой он спросил:

— Разве такие простые дела не выполняют специальные люди? Канцлер Шэнь сам готовит?

Услышав голос Хоу Мина, Шэнь Ту, не поднимая головы, ответил:

— То, что делают другие, не сравнится с тем, что делаю я. Сяо Нин с детства любит мою сладкую кашу. После всего, что произошло, он, должно быть, сильно напуган. Приготовлю немного сладкой каши, чтобы успокоить его.

Он налил миску и поставил её на поднос, только тогда поднял голову и посмотрел на Хоу Мина:

— А что любит есть князь-регент? Кажется, он тоже любит сладкое.

На прошлой трапезе на столе были только сладости, видимо, у него такой же вкус, как у Сяо Нина.

Хоу Мин покачал головой:

— Наш князь никогда не любил сладкое.

Не любит? Шэнь Ту удивился, но затем понял: Чу Е просто подстраивался под Сяо Нина.

При этой мысли он рассмеялся:

— Тогда я приготовлю ещё немного простой каши и отнесу ему.

Он бросил взгляд на Хоу Мина:

— А ты хочешь? Моя каша — это нечто особенное, не каждому выпадает такая удача.

— Конечно, я как раз проголодался, налейте мне, — Хоу Мин протянул пустую миску, не стесняясь.

— Ммм, вкусно. Никогда бы не подумал, что строгий и серьёзный канцлер Шэнь — такой умелый повар, — с набитым ртом пробормотал Хоу Мин.

— Поешь и иди, не мешай мне готовить кашу для Сяо Нина и моего зятя.

Хоу Мин рассмеялся:

— Хорошо, хорошо, не буду мешать. Налейте ещё одну миску, я выйду поесть.

Шэнь Ту продолжил помешивать простую кашу в котле, налил её и поставил рядом со сладкой, как будто это были Шэнь Нин и Чу Е.

Он улыбался с удовлетворением. Чу Е, конечно, был мишенью для многих, но он искренне любил Сяо Нина. В таком случае он был готов доверить ему своего сына.

К тому же их дом канцлера уже был под прицелом, так что лишний повод породниться с резиденцией князя-регента не имел значения.

Если император мог пойти на своего любимого сына, то ему не нужно было сохранять глупую преданность.

В будущем всё равно придётся поддерживать нового правителя, так почему бы не выбрать того, кто будет благосклонен к их дому.

— М-м... — Чу Е слабо застонал, поднеся руку к пульсирующему виску. С трудом открыв глаза, он увидел, как солнечный свет, проникая сквозь пальцы, слепил его.

Чу Е повернул голову и увидел склонившегося над кроватью спящего Шэнь Нина.

Утренний свет мягко падал на его милое лицо, окутывая его нежным сиянием. Под глазами виднелись лёгкие тёмные круги, вероятно, он провёл всю ночь, ухаживая за ним.

Чу Е был счастлив, но больше всего его переполняла благодарность. Преодолевая боль, он приподнялся, чтобы накрыть Шэнь Нина тонким одеялом, но случайно разбудил его.

Шэнь Нин, увидев, что Чу Е сел, мгновенно проснулся и рассердился:

— Ты с ума сошёл? Зачем ты двигаешься? Рана ещё не зажила, а ты её снова разорвёшь!

Шэнь Нин безжалостно щёлкнул Чу Е по лбу, уложил его обратно и продолжил:

— Ты совсем не бережёшь себя? Хочешь, чтобы остались последствия? Смотри, рана снова кровоточит, тебе не больно?

Брови Шэнь Нина были нахмурены, на лице читалось раздражение, и он без остановки выговаривал Чу Е. Но для Чу Е это было наслаждением.

Это же всё было заботой и любовью его жены! Как тут не наслаждаться? Даже раны, кажется, перестали болеть.

— Я говорю с тобой серьёзно, а ты всё улыбаешься! Какое у тебя отношение? — Шэнь Нин схватил Чу Е за ухо и потянул вверх.

Чу Е застонал от боли:

— Ай-ай-ай, жена, больно, больно...

— Ты не бережёшь себя, а теперь ещё и знаешь, что тебе больно? И кто сказал, что я твоя жена? — холодно отрезал Шэнь Нин.

— Хорошо, хорошо, я виноват, жена. Больше не буду так делать, отпусти, больно, — продолжал стонать Чу Е.

— Кхм-кхм... — раздался кашель.

Шэнь Нин обернулся и увидел отца, стоявшего с подносом каши и выглядевшего слегка смущённым.

Шэнь Нин отпустил Чу Е, взял поднос и с улыбкой сказал:

— О, моя любимая сладкая каша! Спасибо, отец.

Чу Е, только что получивший нагоняй, решительно отвернулся, показывая, что ему стыдно: его отчитали при свидетеле!

Шэнь Нин, беззаботно уплетая кашу, получил шлепок от отца:

— Ешь, ешь, только о себе и думаешь! Разве ты не видишь, что Чу Е голоден? Что, хочешь, чтобы мой зять голодал?

Шэнь Нин, хоть и радовался, что отец принял Чу Е, но удар был действительно сильным!

Потирая затылок, он жалобно произнёс:

— Отец, зачем ты так? Хочешь меня убить? Больно же.

Неужели, получив зятя, он забыл о родном сыне?

Шэнь Ту бросил на него взгляд и, украдкой взглянув на Чу Е, сказал:

— Утром нужно есть что-то лёгкое. Я специально приготовил простую кашу. Иди, покорми Чу Е, не думай только о себе.

— Ладно, — неохотно ответил Шэнь Нин.

— Тогда я пойду, — время для молодожёнов должно быть долгим, он не будет им мешать.

Шэнь Нин взял миску с простой кашей, сел рядом с Чу Е и поднёс ложку к его губам.

Чу Е фыркнул и отвернулся.

Шэнь Нин нахмурился, поднёс ложку с другой стороны, но Чу Е снова уклонился.

Затем он услышал, как Чу Е ворчливо произнёс:

— Нин больше не любит меня. При отце ущипнул меня за ухо, теперь мне больше нечего стесняться.

Шэнь Нин рассмеялся, глядя на упрямую спину Чу Е, и сдался:

— Я же не знал, что отец войдёт в этот момент. Отец уже признал тебя, мы теперь одна семья, зачем так переживать? И вообще, ты сам виноват, что не лежал спокойно. Я просто слишком переживаю за тебя.

Чу Е, услышав это, обрадовался, но всё равно продолжал дуться:

— Не буду есть, пусть я умру с голоду, ведь меня никто не любит и не жалеет!

Шэнь Нин продолжал уговаривать:

— Ну как же никто? А я что? Давай, вставай, ешь кашу, отец сам приготовил, она очень вкусная.

Чу Е наконец повернулся и устремил на Шэнь Нина пристальный взгляд, с обидой в голосе сказав:

— Тогда ты больше не будешь щипать меня за ухо, особенно при посторонних.

— Хорошо, — согласился Шэнь Нин.

— А-а, — Чу Е с удовлетворением открыл рот, ожидая, когда жена его накормит.

Ложка простой каши попала в рот, и лёгкий аромат риса заполнил его. Даже Чу Е не смог удержаться и причмокнул:

— Действительно вкусно, тёща — мастер своего дела.

— Конечно, мой отец — отличный повар. Когда вернёмся в столицу, я попрошу его приготовить для тебя целый стол вкусностей, ты точно захочешь ещё.

— Хорошо, жена, не забудь.

— Не волнуйся, ешь скорее, а потом отдыхай, тебе нужно поправляться.

Шэнь Ту, который в будущем станет главным поваром, шёл по дороге, когда внезапно почувствовал озноб. Он вздрогнул, покачал головой и подумал: такой жаркий день, а вдруг холод пробрал до костей?

Шэнь Нин, покормив Чу Е и убедившись, что он уснул, поправил одеяло и вышел.

Вскоре вошёл Хоу Мин, опустился на одно колено и доложил:

— Князь, главарь той группы разбойников не был пойман, удалось захватить только несколько подручных, но у всех под языком были ядовитые капсулы, и они покончили с собой. Я не справился со своей задачей, прошу наказания.

Хоу Мин опустил голову, корит себя за неспособность даже простого поиска. Это позор для князя и резиденции князя-регента!

Чу Е, который должен был спать, внезапно открыл глаза, и в них вспыхнул холодный, жестокий блеск. Он усмехнулся и произнёс:

— Лун Ао действительно умён. Как только Лун Цзиннянь вернулся, он, должно быть, сразу же отправил кого-то с сообщением. Это не твоя вина.

Он не боялся, что Лун Ао нацелится на него, но Лун Ао не должен был втягивать в это Шэнь Нина. На охоте эти разбойники атаковали с убийственными ударами, и каждый из них был направлен на Шэнь Нина.

Шэнь Нин стал его единственной слабостью. Раз Лун Ао осмелился тронуть её, пусть готовится к его гневу!

- Сохранены все авторские ремарки в диалогах
- Унифицировано оформление внутренних монологов
- Убраны избыточные повторы в описаниях эмоций